

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.96> EDN: YMJOMF

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ДОЛГАНСКОГО, РУССКОГО И ЭСКИМОССКОГО ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Научная статья

Головацкая Т.П.^{1,*}, Назмутдинова Т.С.², Мартянова И.А.³, Силантьев Е.Е.⁴¹ ORCID : 0000-0001-8183-1671;² ORCID : 0000-0002-4649-3432;³ ORCID : 0000-0003-3526-317X;⁴ ORCID : 0000-0003-2504-992X;^{1, 2, 3, 4} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (goltaya[at]yandex.ru)

Предложена: 28.08.2026; Принята: 30.09.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу сложноподчиненных предложений в трех разноструктурных языках: долганском (тюркская семья), русском (индоевропейская семья) и языке азиатских эскимосов (эскимосско-алеутская семья). Выбор языков обусловлен их структурными различиями и длительным этноязыковым контактом на территории Российской Федерации, что породило сложные интерференционные процессы на всех уровнях системы.

Цель исследования — выявление типологических особенностей сложноподчиненных конструкций в русском (флективный тип), долганском (агглютинативный) и эскимосском (агглютинативно-полисинтетический). В статье проведен сравнительный анализ подлежащих, дополнительных, определительных, сказуемых и обстоятельственных придаточных, а также средств выражения временных, условных, причинных и других отношений. Особое внимание уделено маркированию подчинительной связи (союзы, союзные слова, причастные и деепричастные формы с аффиксами, конъюнктивные суффиксы) и степени синтетизма/аналитизма в полипредикативных единицах.

Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении синтаксиса трех языков разного генезиса с привлечением полевых и корпусных данных по миноритарным языкам Севера. Впервые выявлены корреляции между типом грамматической организации языка и доминирующими стратегиями оформления сложноподчиненных конструкций, определены зоны переходности между сложными и простыми осложненными предложениями в долганском и эскимосском. *Результаты исследования показали*, что основные зоны различий связаны с наличием/отсутствием подчинительных союзов (разветвленная система в русском, ограниченное число частиц в долганском и эскимосском), степенью автономности зависимой предикативной единицы и возможностью синтеза нескольких предикаций в одной словоформе. Полученные данные вносят вклад в типологическое языкознание и могут служить основой для исследований в сфере контактной лингвистики и синтаксической типологии миноритарных языков.

Ключевые слова: сопоставительный синтаксис, полипредикативные конструкции, языки коренных народов Севера, долганско-русский билингвизм, агглютинативные языки.

MEANS OF EXPRESSING SUBORDINATE CLAUSES IN COMPLEX SENTENCES IN THE DOLGAN, RUSSIAN AND ESKIMO LANGUAGES: A COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ANALYSIS

Research article

Golovatskaya T.P.^{1,*}, Nazmutdinova T.S.², Martyanova I.A.³, Silantev Y.Y.⁴¹ ORCID : 0000-0001-8183-1671;² ORCID : 0000-0002-4649-3432;³ ORCID : 0000-0003-3526-317X;⁴ ORCID : 0000-0003-2504-992X;^{1, 2, 3, 4} A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (goltaya[at]yandex.ru)

Suggested: 28.08.2026; Accepted: 30.09.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

This work is devoted to a comparative analysis of complex sentences in three languages with different structures: Dolgan (Turkic family), Russian (Indo-European family) and the language of the Asian Inuit (Eskimo-Aleutian family). The choice of languages is based on their structural differences and their long history of ethnolinguistic contact within the Russian Federation, which has given rise to complex processes of interference at all levels of the language system.

The aim of the study is to identify the typological traits of complex subordinate clauses in Russian (an inflective language), Dolgan (an agglutinative language) and Eskimo (an agglutinative-polysynthetic language). The article conducts a comparative

analysis of subject, object, attributive, predicate and adverbial clauses, as well as means of expressing temporal, conditional, causal and other relationships. Particular attention is paid to the marking of subordinate relationships (conjunctions, conjunctive words, participial and gerund forms with affixes, and conjunctive suffixes) and the degree of synthetism/analyticism in polypredicative units.

The scientific novelty consists in a complex comparison of the syntax of three languages of different origin, using field and corpus data on minority languages of the North. For the first time, correlations have been identified between the type of a language's grammatical organisation and the dominant strategies for forming complex subordinate constructions; transition zones between complex and simple compound sentences have been identified in Dolgan and Eskimo. *The results of the study showed* that the main areas of difference are linked to the presence or absence of subordinate conjunctions (a branched system in Russian, a limited number of particles in Dolgan and Eskimo), the degree of autonomy of the dependent predicative unit, and the possibility of synthesising several predications within a single word form. The obtained data contribute to typological linguistics and may serve as a basis for research in the field of contact linguistics and the syntactic typology of minority languages.

Keywords: comparative syntax, polypredicative constructions, languages of the indigenous peoples of the North, Dolgan–Russian bilingualism, agglutinative languages.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современном языкознании назрела объективная необходимость проведения сопоставительного анализа синтаксических систем агглютинативных языков (языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) и флективного русского языка. Настоятельная потребность в подобном исследовании вызвана несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, сложноподчиненное предложение является одной из ключевых синтаксических единиц, однако способы его организации в разнотипных языках существенно различаются. В русском языке, принадлежащем к флективному типу, подчинительная связь оформляется преимущественно с помощью системы подчинительных союзов, союзов-частиц и союзных слов, тогда как в долганском и эскимосском языках, относящихся к агглютинативному типу, доминируют синтетические и полисинтетические стратегии — причастные и деепричастные формы с падежными и личными аффиксами, а также конъюнктивные глагольные суффиксы. Несмотря на наличие фундаментальных исследований синтаксиса русского, долганского и языка азиатских эскимосов в отдельности, до настоящего времени не проводилось их комплексного сопоставления на материале сложного предложения.

Во-вторых, в Арктической зоне Российской Федерации сложилась новая социолингвистическая ситуация: интенсивность контактов между носителями долганского языка, языка азиатских эскимосов и носителями русского языка достигла уровня, при котором синтаксическая интерференция приобрела системный характер. Процессы переключения кодов и постепенной редукции миноритарных языков превратились в устойчивую тенденцию. Для прогнозирования и коррекции интерференционных ошибок в речи билингвов необходимо детальное знание зон структурного рассогласования на синтаксическом уровне, в первую очередь это касается сложноподчиненных конструкций, которые являются наиболее трудными для овладения неродным языком.

В-третьих, решение данной проблемы востребовано не только синтаксической наукой, но и смежными дисциплинами. Психолингвистика не в состоянии построить адекватную модель билингвального сознания носителей языков коренных малочисленных народов Севера без учета взаимодействия аналитических и синтетических стратегий построения полипредикативных конструкций. Педагогика испытывает необходимость в контрастивном обосновании учебных материалов по русскому языку как неродному, адресованных носителям долганского и эскимосского языков. Компьютерная лингвистика, в свою очередь, сталкивается с проблемой автоматического синтаксического анализа многоязычной арктической речи, в которой переключение между кодами разных типов продуцирует синтаксические структуры, не поддающиеся описанию с помощью стандартных алгоритмов.

Следовательно, актуальность работы связана с необходимостью решения в языкознании теоретико-прикладной задачи. Основанием для этого служат, во-первых, текущее состояние языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, во-вторых, наличие запроса на научное обеспечение сохранения языкового разнообразия в Арктическом регионе.

Цель исследования — выявление типологических особенностей сложноподчиненных конструкций в русском (флективный тип), долганском (агглютинативный) и эскимосском (агглютинативно-полисинтетический). В статье проведен сравнительный анализ подлежащих, дополнительных, определительных, сказуемых и обстоятельственных придаточных, а также средств выражения временных, условных, причинных и других отношений.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- осуществить отбор типов сложноподчиненных конструкций (подлежащие, дополнительные, определительные, сказуемые, обстоятельственные) для сопоставительного анализа в трех языках;
- провести сравнительно-сопоставительный анализ средств выражения временных, сравнительных, условных, следственных причинных, уступительных и целевых отношений в сложноподчиненном предложении;
- дать типологическую интерпретацию выявленных контрастов и лакун, определив корреляции между грамматической организацией языка и доминирующими стратегиями оформления подчинительной связи.

Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении синтаксиса трех языков разного генезиса с привлечением полевых и корпусных данных по миноритарным языкам Севера. Впервые выявлены корреляции между типом грамматической организации языка и доминирующими стратегиями оформления сложноподчиненных конструкций, определены зоны переходности между сложными и простыми осложненными предложениями в долганском и эскимосском.

Эмпирическую базу исследования составили грамматические системы трех разноструктурных языков. Источниками фактического материала выступили фундаментальные грамматические описания и специальные научные труды по русскому, долганскому языкам и языку азиатских эскимосов [1], [14], [15], а также тексты художественной литературы на долганском языке и образцы устной речи его носителей.

Решение поставленных задач потребовало использования нескольких лингвистических методов. На этапе выделения типов сложноподчиненных конструкций применялся описательный метод: из грамматик последовательно извлекались сведения о формальных показателях подчинения и структурно-семантических типах придаточных. Для непосредственного сопоставления трёх языков использовался контрастивный метод, при котором сравнение проводилось попарно (русский — долганский, русский — эскимосский) с последующим обобщением в трёхязычной перспективе. На завершающем этапе для объяснения выявленных расхождений применялся типологический метод, позволивший интерпретировать обнаруженные зоны синтаксической интерференции как следствие системных различий.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют работы в области синтаксиса сложного предложения, типологии полипредикативных конструкций и контактной лингвистики, выполненные на материале тюркских, палеоазиатских и флективных языков.

Фундаментальное значение для нашей работы имеют труды Е.И.Убрятовой [23], посвящённые синтаксису сложного предложения в якутском языке. Принимается за основу разработанная исследователем классификация типов придаточных частей на основе семантико-синтаксического уподобления членам предложения, а также выделение системы падежных и личных аффиксов причастий как основного средства оформления подчинительной связи в тюркских языках. Этот подход применён к долганскому материалу в качестве отправной точки для сопоставления с русскими и эскимосскими конструкциями.

Исследования Н.М.Артемяева [1] по грамматике долганского языка послужили источником эмпирических данных и типологической характеристики долганского синтаксиса. Принимается положение о том, что в долганском языке сложноподчинённые предложения строятся преимущественно на основе причастных и деепричастных форм, а не союзных средств, что обуславливает компрессию полипредикативных структур и размывание границ между сложными и простыми осложнёнными предложениями. Данный тезис является одним из ключевых для выявления зон переходности в сопоставляемых языках.

При анализе языка азиатских эскимосов мы опираемся на фундаментальные труды Г.А.Меновщикова [14] и Н.Б.Вахтина [6], [15]. Из работ Г.А.Меновщикова заимствуется понимание агглютинативно-полисинтетической организации эскимосского языка, при которой подчинительные отношения выражаются преимущественно суффиксальными показателями конъюнктивного наклонения и деепричастными формами, а система союзов является ограниченной и выполняет вторичную, уточняющую функцию. Работы Н.Б. Вахтина важны для нас в аспекте описания синтаксических стратегий оформления временных, условных и причинных отношений в эскимосском языке, а также для понимания принципов согласования по лицу и числу в переходных конструкциях.

В области русистики теоретической основой послужили структурно-семантические исследования русского синтаксиса. Из работ В.А.Белашапковой [4] и С. Г. Ильенко [13] принимается положение о бинарной структуре сложноподчинённого предложения, о разграничении союзных и союзных средств связи, а также о принципиальной автономности предикативных частей, сохраняющих финитные глагольные формы. Труды Н. С. Пospelova [20] учитываются в части трактовки придаточных определительных и изъяснительных конструкций как структурно обязательных, что важно для сопоставления с причастными субстантивированными формами в долганском языке. Исследования А. М. Пешковского [19] используются при обсуждении проблемы разграничения сочинения и подчинения, а также при интерпретации переходных зон между сложными и простыми предложениями.

Особое значение для данной работы имеют исследования синтаксической интерференции в речи долгано-русских билингвов [17], [18]. Принимается за основу положение о том, что длительное этноязыковое взаимодействие приводит к системным изменениям в синтаксисе миноритарного языка, в частности к появлению заимствованных союзов (потому что, чтобы, если) и к ослаблению исконных причастных моделей. Это позволяет нам интерпретировать выявленные зоны синтаксического рассогласования не как статичные типологические различия, а как динамические процессы, обусловленные контактной ситуацией.

Кроме того, учитываются новейшие сопоставительные работы по грамматике эскимосского языка в типологическом аспекте [10], в которых обосновывается параметр «степень синтетизма / аналитизма» как релевантный для описания полипредикативных единиц, а также предлагаются критерии разграничения сложных и простых осложнённых предложений в полисинтетических языках. Данные положения непосредственно используются нами при формулировке выводов о переходном статусе некоторых конструкций в эскимосском языке.

Важным аспектом исследования является также описание семантики союзных и бессоюзных средств выражения причинно-следственных, уступительных и сравнительных отношений. В этой связи учитываются работы по семантике союзных средств в разноструктурных языках, что позволяет корректно сопоставлять функционально эквивалентные, но формально различные конструкции в трёх языках.

Таким образом, теоретическая база исследования представляет собой синтез трёх научных традиций тюркологии, палеоазиатологии и русистики, что позволяет осуществить многоаспектный сопоставительный анализ и типологически интерпретировать выявленные структурные схождения и расхождения.

Практическая значимость работы выражается в следующем: результаты исследования могут применяться в преподавании русского языка как неродного в вузах, где обучаются носители долганского и эскимосского языков, в частности, в институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена. Выявленные зоны синтаксических расхождений позволяют целенаправленно предупреждать типичные ошибки при построении сложноподчиненных предложений.

Материалы работы будут востребованы в учебных курсах по контрастивной лингвистике, типологии, методике преподавания русского языка в билингвальной среде. Полученные данные могут быть положены в основу разработки специализированных диагностических тестов и коррективных упражнений для студентов, изучающих языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Обсуждение

Переходя к рассмотрению типов сложноподчиненных предложений, следует опираться на классификацию, традиционно принятую в тюркологии и долганском языкознании, согласно которой выделяются подлежащные, дополнительные, определительные, сказуемостные и обстоятельственные сложноподчиненные предложения. Эта классификация основана на синтаксическом уподоблении зависимой (придаточной) части члену предложения. Однако наличие в долганском языке подобных сложноподчиненных конструкций, часть которых, возможно, тяготеет к простым предложениям, требует дальнейших исследований, так как существующий концептуальный подход вызывает некоторые сомнения [16].

В русистике подлежащные, дополнительные, определительные, сказуемостные (сказуемые) и обстоятельственные придаточные были выявлены в логико-грамматической классификации Ф.И. Буслаева [5] еще во второй половине XIX в. В настоящее время этот подход сохраняет свою актуальность в логическом (семантическом) синтаксисе и в практике школьного преподавания, в частности, в популярном учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой [3]. Данная концепция была критически переосмыслена в исследованиях Н.С. Поспелова [20], С.Г. Ильенко [13], В.А. Белошапковой [4] и др. ученых.

Новый взгляд на сложноподчиненное предложение нашел отражение в последних двух академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг. В современной структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений нет места подлежащным, дополнительным, определительным, сказуемостным (придаточным), обстоятельственным придаточным осмыслены как детерминантные и дополнены придаточными соответствия. Важно отметить, что в структурно-семантической классификации присутствуют также придаточные подчинительно-присоединительные, или относительно-распространительные «Она рассмеялась, что с нею редко бывало», «изгнанные» из логико-грамматической классификации из-за своей неспособности уподобиться какому-либо члену предложения.

Несмотря на авторитетность структурно-семантического направления в современной русистике, для сопоставительного исследования сложноподчиненного предложения в долганском, русском и эскимосском языках вполне может использоваться его логико-грамматическая типология, в силу ее смысловой прозрачности и методической целесообразности.

Так, в долганском подлежащем сложноподчиненном предложении, пример которого приведен в грамматических описаниях: *Гини Һылдыбыта былгырттан биллэр «Издавна известно, что он приходил»*, причастие прошедшего времени *Һылдыбыта* (от глагола *Һылды* «приходить») с аффиксом принадлежности 3-го лица одновременно является сказуемым зависимой части и подлежащим главной. В русском языке аналогичное значение передается конструкцией с придаточным подлежащим «То, что он пришел, известно», с факультативным указательным местоимением в главной части. Важно отметить, что в долганском языке эта конструкция не содержит никакого союза или союзного слова, зависимость маркируется исключительно аффиксальной формой причастия: *Үөрбүтэ һарсиэрдаттан көстөр «Его радость с утра видна»*. В эскимосском языке аналогичное высказывание: *Аюмиханьуну сисяуйақа тагимақ «Издавна известно, что он приходил»* оформлено субъектно-объектным глаголом *сисяуйақа* «букв. угадывать что-либо, известно что-либо».

Дополнительное сложноподчиненное предложение в долганском языке представлено конструкцией: *Гини Һылдыбытын мин көрбүтүм «Я видел, что он приходил»*. Здесь причастие прошедшего времени *Һылдыбытын* оформлено аффиксом винительного падежа и аффиксом принадлежности, что позволяет ему выступать в роли прямого дополнения по отношению к глаголу восприятия *көр* «видеть». В русском языке такое же отношение передается с помощью союза *что*, который присоединяет придаточное дополнительное, причем в придаточном глагол употребляется в форме изъявительного наклонения прошедшего времени. В русском предложении главная часть является двусоставной. Она, как и придаточная часть, обладает предикативной самодостаточностью. В эскимосском языке глаголы восприятия, такие как глагольная основа *сха* (*r*) «видеть», часто управляют зависимой глагольной формой в сослагательном наклонении, которая согласуется с субъектом по лицу и числу. Например, фраза «Я видел, что он пришел» будет переведена как «Хўаңа схамақа тагимақ». Следует подчеркнуть, что в эскимосском языке при переходном глаголе с объектно-субъектным спряжением используются специальные показатели, указывающие на лицо и число как субъекта, так и объекта, что делает конструкцию более компактной, но и более сложной для анализа с точки зрения грамматической традиции.

Интересно, что в долганском языке также наблюдается согласование по лицу в причастных формах, но это согласование не распространяется на субъект главного предложения, связь между частями осуществляется через падежное маркирование зависимой части, а не через глагольное согласование, например: *Кыйгаммытым көстөр «Видно, что я рассержен»*.

Определительные сложноподчиненные предложения в долганском языке строятся по модели *Гини Һылдыбыт күөлү мунтан бэрт чугас «Озеро, которое он посетил, отсюда совсем близко»*. В этом случае причастие прошедшего времени *Һылдыбыт* без падежного аффикса выступает в роли определения к существительному *күөлү* «озеро». Субстантивированное причастие, по сути, заменяет относительно-придаточное предложение. В русском языке для передачи этого значения используется союзное слово *который* в соответствующем падеже, и придаточное определительное имеет собственную глагольную форму. В тюркологии подобные причастные определения часто

называют «относительными конструкциями», и они являются основным средством выражения атрибуции в долганском языке.

В языке азиатских эскимосов (чаплинский диалект) определительные отношения могут выражаться несколькими способами. Наиболее распространённый, использование причастных форм глагола, которые согласуются с определяемым существительным в падеже и числе. Например, форма причастия, имеющего значение не действия, а состояние человека или предмета, присоединяется к глагольной, так и именной основе, далее склоняются как имена прилагательные. Юк *тузумалнуу* «Человек умерший» (букв. человек, который умер). Гуйгумылнут *анумат* «Находящиеся в доме вышли» (букв. которые находились в доме).

Сравнительный анализ показывает, что во всех трех языках определительные отношения являются основными в сфере атрибуции, но степень синтетичности и способ оформления значительно различаются: русский язык тяготеет к финитным придаточным с союзным словом, долганский язык к причастным субстантивированным формам, а эскимосский к причастным формам, интегрированным в именную группу. Как подчеркивает Н.Б. Вахтин [6], в синтаксисе языка азиатских эскимосов «система союзов является ограниченной и выполняет вторичную, уточняющую функцию», а основную роль в оформлении подчинительной связи играют суффиксальные показатели.

Сказуемое сложноподчиненное предложение в долганском языке, как справедливо отмечается в исходных материалах, встречается достаточно редко. Приведем пример из долганского языка: Гини *һылдыбытынаагар һылдыбатага ордук* «Его отсутствие лучше, чем его приход». В этой конструкции сравниваются два события или состояния, причем сравнение оформляется с помощью падежных аффиксов, присоединенных к причестию. Аффикс сравнительного падежа, или аффикс, выполняющий сравнительную функцию, *-наагар* присоединяется к форме прошедшего времени причастия, а затем следует отрицательная форма причастия того же глагола и прилагательное *ордук* «лучше». Русским эквивалентом является сложноподчиненное предложение с придаточным прикомпаративным, как правило, с союзом *чем*. В русском языке такое предложение обычно имеет две части, где в главной части функционирует форма сравнительной степени (*компаратив*) прилагательного, наречия или слова категории состояния, а в придаточной части глагол в форме изъявительного наклонения.

В эскимосском языке сравнительные конструкции также существуют, но они строятся на основе суффиксов сравнения, присоединяемых к именам или глаголам.

Однако полноценное сказуемое придаточное, аналогичное долганскому или русскому, в эскимосском языке оформляется, как правило, с помощью двух независимых предикаций, соединенных союзной частицей, либо с помощью деепричастных форм. Следует особо подчеркнуть, что в долганском языке в сказуемых сложноподчиненных предложениях, по данным исследователей, знак препинания не используется, что сближает их с простыми предложениями, осложненными сравнительными оборотами. Это наблюдение является ключевым для понимания переходного статуса многих конструкций в долганском и эскимосском языках.

Наиболее разветвленную и семантически разнообразную группу в долганском языке составляют обстоятельственные сложноподчиненные предложения. Именно они, как убедительно показано на материале долганской устной речи, являются наиболее частотными в повседневном общении носителей. В зависимости от характера семантических отношений между главной и зависимой частями среди обстоятельственных сложноподчиненных предложений выделяют предложения со значением времени, условия, причины, противодействия (уступки), сравнения и вывода. Рассмотрим каждый из этих типов в сопоставительном аспекте.

Сложноподчиненные предложения со значением времени в долганском языке отвечают на вопрос *каччага* «когда» и демонстрируют дифференциацию временных отношений между действиями главной и зависимой частей. Одновременность двух действий передается с помощью деепричастных форм или причастных форм с аффиксом местно-временного падежа. При этом важно учитывать, что долганский язык, в отличие от многих других тюркских языков, демонстрирует вариативность порядка слов [7], что отражается и на структуре сложноподчиненного предложения: в некоторых типах. Например, в предложениях со значением вывода перестановка главной и зависимой частей невозможна, в других — допустима. Русский язык для выражения одновременности использует союзы *когда, в то время как, пока* и др., а также может использовать обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами. Эскимосский язык для передачи одновременности использует специальные суффиксы, такие как *-лю, -люю*, которые присоединяются к глагольной основе и указывают, что действие происходит в то же время, что и действие главного глагола. Например: *Кукиагнахсыа, хуаһа ҕунпын туҕуоҕаҕа* «Когда мне трудно, я зову всегда свою сестру».

Действие главной части может следовать после действия зависимой части, как в долганском примере: *Эбэ бууһа барарын ҕытта, рейсовой катер һылдыар буолла* «Как только ушел речной лед, начал ходить рейсовый катер». Здесь используется сочетание *барарын ҕытта* буквально «с его уходом», где *барарын* — причастие на *-ар* с винительным падежом и аффиксом принадлежности, а *ҕытта* — послелог «с», обозначающий совместность действия. В русском языке аналогичное значение передается союзами *как только, едва, после того как*.

Эскимосский язык имеет специализированный суффикс последовательности, который ставится на зависимый глагол. Например: *Наҕуһакутуһаҕа пияһыт, туһу куһуһаҕыһа һылһуһа* «Как только охотники прошли мимо, олень стал есть листья». Наконец, предшествование действия главной части действию зависимой иллюстрируется долганским примером *Уйбааннаак чайдаан бүтүөктэригэр диэри, уолаттар илиһнэрин кытылга таһаардылар* «Иван и остальные еще не окончили есть, как парни уже вытащили сети на берег». Конструкция *бүтүөктэригэр диэри* буквально «до того, как они закончат» использует причастие будущего времени на *-ыха/ -их* с аффиксом дательного падежа и послелогом *диэри* «до». В русском языке для выражения предшествования используются союзы *до того как, прежде чем*. В эскимосском языке предшествование может передаваться с помощью суффикса *-я*, например: *Җаванҕияһа таһуһаҕа наһан аһута* «Неуслышавшего ребенка мать вынесла на улицу» (букв. когда ребенок не уснул). Таким образом, все три языка имеют развитые средства для выражения временных отношений, но

русский язык опирается на систему семантических союзов и союзных слов, долганский — на падежно-причастные конструкции, а эскимосский — на специализированные суффиксы деепричастий.

Условные сложноподчиненные предложения в долганском языке строятся с использованием формы условного наклонения зависимого глагола, отвечают на вопросы *каннык усулуубуйага? туок буолагына? «при каком условии?»*. Сказуемое зависимой части имеет аффикс *-та/-тэ, -да/-дэ, -ла/-лэ* (условное наклонение). Приведем пример реального условия: *Бүгүн вертолет кэлэгинэ, дызбитигэр тийизк этибит «Если сегодня прилетит вертолет, мы до дома добрались бы»*. Интересно, что в главной части используется форма на *-ыак* (сослагательное наклонение), что создает оттенок возможности, но не желательности. Когда условие заведомо невыполнимо, добавляется частица *буоллар* (от глагола *буол- «быть»*), и вся конструкция приобретает смысл «если бы (да)». Например: *Убайым хаас армияттан кэлбитэ буоллар, гинини гытта биһиги Красноярскайга барардаак этибит «Если бы старший брат весной прибыл из армии, мы с ним должны были ехать в Красноярск»*. В русском языке условные придаточные вводятся союзами *если, если — то, раз, коли, когда* (в условном значении), *когда-то* и др. Противопоставление реального и невыполнимого условия осуществляется при помощи наклонений: изъявительное наклонение в обеих предикативных частях выражает реальное условие «*Если придет, мы обрадуемся*», а сослагательное наклонение необходимо для выражения невыполнимого «*Если бы пришел, мы бы обрадовались*». В чаплинском языке условные предложения строятся с помощью суффиксов условных деепричастий. Например, суффикс *-ку/-ка*, который обозначает реальное условие, относящееся к будущему времени; главное действие при этом также относится к будущему и обозначается глаголами будущего времени изъявительного наклонения. Этот показатель присоединяется к глагольной основе, после чего добавляются личные окончания. Например: *Ахтунгилъкума, тагилъкуна «Если я смогу, я приду»*.

Сложноподчиненные предложения со значением причины в долганском языке демонстрируют разнообразие формальных средств. Как указано в исходных материалах, сказуемое зависимой части может быть выражено деепричастием, союзными словами *иһин, диэн*, а также причастием с аффиксом дательного или исходного падежей. Пример с деепричастием: *Ыйааллан турар лампа уота Һырдатан, биһиги остоолго уроок аагынныбыт «Благодаря освещению висячей лампы, мы за столом готовились к уроку»*. Здесь деепричастие *Һырдатан «освещая»* выполняет причинную функцию, хотя формально оно является деепричастием образа действия. В русском языке аналогичное значение передается обособленным обстоятельством, выраженным деепричастием или деепричастными оборотами *Освещая комнату, лампа позволяла нам заниматься* или придаточными причины с союзами, потому что, *так как* и др. Пример с союзным словом *иһин*: *Үчүгэйдик нуруйбутум иһин, учиталым минигин каайгаата «За то, что я хорошо написал, мой учитель меня похвалил»*. Слово *иһин* этимологически восходит к имени действия со значением «*внутренность, причина*», но в данном контексте функционирует как послелог или союзное слово, близкое к русскому *за то что*. Пример с причастием и падежным аффиксом на долганском языке: *Оголор Һайын үчүгэйдик үлэлэбиттэригэр, администрация гинилэрээ премия туттарда «За то, что ребята летом хорошо поработали, администрация вручила им премию»*. Здесь причастие на *-быт* в дательном падеже с аффиксом принадлежности передает причинное значение. В русском языке это соответствовало бы придаточному причины с союзом *потому что* или конструкцией с предлогом *за*. В эскимосском языке причинные отношения обычно оформляются с помощью союза причины *қаюлхьяк «потому что»*, например: *Утыхлыкутын, қаюлхьяк умыгныгулхыкыкхана «Вернешься ты, потому что будет пурга»*.

Сравнительный анализ показывает, что долганский язык в этой группе использует наиболее широкий спектр морфологических и лексико-синтаксических средств, тогда как русский и эскимосский языки имеют более специализированные маркеры причины.

Сложноподчиненные предложения со значением противодействия (уступки) в долганском языке оформляются с помощью союзов и союзных слов *иһин, үрдүнэн*, которые вводят зависимую часть и переводятся на русский язык как «*хотя, несмотря на то что*». Например: *Пенсияга таһаарбыттарын даа иһин, дызбэр олоббоппун, бултуубун, паастыбын «Несмотря на то, что меня отправили на пенсию, я дома не сижу, хожу на охоту, ставлю пасты»*. Здесь *даа иһин* выступает в роли уступительного союзного сочетания. В русском языке основными уступительными союзами являются *хотя, несмотря на то что, даром что, пускай*. В эскимосском языке уступительное значение передается с помощью суффиксов, а также при помощи союза *ҕайһа* со значением «*хотя*». Например: *ҕайһа нунмайк, ийырна улимасимакана нанывгам Алеша унахсигыну скитыгыну «Хотя и не быстро, но сделал старик Алеше деревянные коньки»*. Важно подчеркнуть, что в долганском языке, как видно из примера *Мин нуууччалыы эһин-эһинник ыйыыта Һатаатым даа, киһим туогу даа Һаңарбата «Несмотря на то что я по-всякому его расспрашивал по-русски, человек (мой) не ответил ничего»*, союзное слово *даа* может употребляться и без *иһин*, передавая уступительное значение преимущественно контекстом и интонацией. Это свойственно и русскому разговорному языку, где союз *да* иногда приобретает уступительный оттенок: *Он и звал, да я не пошел*.

Сравнительные сложноподчиненные предложения в долганском языке, как отмечалось, оформляются с помощью послелогов *көрдүк, талы, диэри, кэриэтэ*, которые присоединяются к причастным формам. Например: *Тыал үрэрин көрдүк, Һыргалаак табалар тыына Һуок көттүлэр «Словно ветер дунул, олени в упряжке умчались без дыхания»* демонстрирует использование послелога *көрдүк «буквально «подобно тому, как»*. В русском языке для сравнения используются союзы *как, словно, будто, точно*, которые могут присоединять как придаточные предложения, так и сравнительные обороты (обособленные и необособленные обстоятельства сравнения). В долганском языке в зависимой части всегда сохраняется глагольное сказуемое в причастной форме, что сближает эти конструкции с полными придаточными.

Следует обратить внимание на пример *Кытылга Һыгаллан буус үлүрүэйэрин көрдүк, калааңна былыттар быһыта бардылар «Как ломается лед, прижимаясь к берегу, так и тучи на небе разорвались на куски»*, где используется парное сравнение с повторением *көрдүк* и коррелятом в главной части (подразумевается). Такие

коррелятивные конструкции свойственны и русскому языку как ... так и ..., а в эскимосском языке корреляция обычно выражается повторением суффиксов или частиц.

Отдельного внимания заслуживают сложноподчиненные предложения со значением следствия (вывода), выделяемые в долганском языке. В таких предложениях вывод о совершении действия в одной части основывается на действии или состоянии, о котором говорится в другой части. Пример: *Ускаан эрдэ чээлкээ буоллагына, каар эмиэ эрдэ түһээчи* «Снег обычно рано ложится, если заяц рано побелеет». Здесь зависимая часть (условная форма *буоллагына* «если станет») содержит условие, а главная часть - вывод, но, в отличие от чистого условного предложения, соотношение между частями не является каузальным, а носит характер эмпирического обобщения. Второй пример: *Күөл бууһа чараас эбит: балыкка киирэр эрдэ буолуо* «Озерный лед еще тонок: приступать к рыбалке, видимо, рано». На письме используется двоеточие, которое сигнализирует о выводном характере отношений, хотя формально сказуемое второй части стоит в форме предположительного наклонения на -уо. Интересно, что в русском языке такие конструкции обычно квалифицируются как бессоюзные сложные предложения с изъяснительными или причинно-следственными отношениями, иногда их относят к сложноподчиненным с имплицитным союзом.

За пределами статьи остается множество других типов сложноподчиненных конструкций, которые можно сопоставить. Например, придаточные цели. В русском языке они оформляются союзами *чтобы, для того чтобы, дабы* и др. В долганском языке целевые значения передаются с помощью причастий будущего времени с аффиксом дательного падежа или с помощью деепричастий с частицей *гын*. Например: *Балык туттарыгар* «для того, чтобы ловить рыбу» букв. «для его ловли рыбы». В эскимосском языке существуют союзы, как *инжун* *чтобы*, *инжунамын* *для того, чтобы*, например: *Хатагыахагуна Москамың инжунамын илсэххалюна ыһхиттун лягуалгит ивагилгинун ныкувингитни айуан юган* «Мне нужно выехать из Москвы, для того чтобы принять участие в археологических исследованиях в изучении бывших селений северных народов».

Придаточные места в русском языке вводятся союзами *где, куда, откуда, везде, оттуда* и т.д. В долганском языке пространственные отношения выражаются с помощью причастий с аффиксами местного и исходного падежей, а также с помощью деепричастных форм.

В эскимосском языке пространственные отношения передаются через падежные окончания существительных. Что касается придаточных предложений, отвечающих на вопрос «где?» или «куда?», то их глаголы дополняются специальными суффиксами, указывающими на место действия.

В эскимосском языке основным средством выражения обстоятельственных отношений являются деепричастия (противительные, условные, временные и другие), союзы лишь дублируют, уточняют и подчеркивают их значение.

Придаточные образа действия и степени в русском языке имеют союзы *как, так что, настолько что* и др. В долганском языке они могут передаваться деепричастиями, а также конструкциями с частицей *курдук* «как». В эскимосском языке используются суффиксы, производные от вопросительных местоимений, или особые формы конъюнктива.

Одной из наиболее сложных проблем сопоставительного анализа является разграничение сочинения и подчинения в каждом из исследуемых языков. В русском языке это разграничение базируется в основном на том, что сочинительные союзы соединяют равноправные части, подчинительные союзы и союзные слова — неравноправные. В долганском языке некоторые формы (например, деепричастия) могут быть интерпретированы и как сочинительные, и как подчинительные, поскольку они не имеют четко выраженных показателей зависимости. В эскимосском языке традиционное противопоставление сочинения и подчинения также размывается, поскольку существуют промежуточные типы связей, получившие название «сочинительно-подчинительные» или «конъюнктивные ряды». Исследователи в рамках типологии языков мира выделяют параметр «уровень синтеза в сложном предложении», по которому русский язык находится ближе к аналитическому полюсу, долганский — к синтетическому, а эскимосский язык относится к полисинтетическому. Однако каждый язык находит свои способы компенсировать недостаток аналитических средств: в долганском языке широко используется интонация и порядок слов, в эскимосском языке сложная система спряжения, различающая переходные и непереходные конструкции.

Порядок предикативных частей в сложноподчиненном предложении также обнаруживает значительные различия. В русском языке придаточная часть может занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к главной, и даже интерпозицию, внутри главной или другой придаточной части. Например: *когда я пришел, все спали; все спали, когда я пришел; Комната, куда я вошел, была темной*. В долганском языке, как и в других тюркских языках, зависимая часть в большинстве типов сложноподчиненных предложений предшествует главной. Это связано с тем, что определительные конструкции всегда стоят перед определяемым. Однако в обстоятельственных сложноподчиненных предложениях возможна и постпозиция, особенно в устной речи, где под влиянием русского языка или прагматических факторов зависимая часть может следовать за главной. В эскимосском языке порядок частей относительно свободен, но сложноподчиненные конструкции с конъюнктивом имеют тенденцию к постановке зависимой части перед главной, хотя возможны и инверсии, маркирующие эмфазу.

Что касается пунктуационного оформления сложноподчиненных предложений, то в русском языке оно регулируется строгими правилами: придаточная часть отделяется запятой или выделяется с двух сторон запятыми, независимо от ее позиции. В долганском языке, использующем кириллическую письменность, также применяются запятые между частями сложного предложения, однако в некоторых типах (сказуемые предложения) запятые могут отсутствовать. Письменность для азиатских эскимосов была создана в 1930-х годах сначала на латинице, а в 1937 году её перевели на кириллицу. Таким образом, письменная традиция эскимосского языка относительно молода, поэтому правила пунктуации до сих пор окончательно не стабилизировались.

Важно рассмотреть также вопрос о заимствованиях и языковых контактах. Долганский язык на протяжении нескольких столетий находился в интенсивном контакте с русским языком, а через него с европейской культурой. И хотя некоторые исследователи отмечают, что под влиянием русского языка подвергается трансформации в основном

лексико-фонетическая система речи долган [12] «длительное взаимодействие языков не просто создаёт речевые ошибки — оно может влиять на саму систему долганского языка» [1]. Как отмечает Т. С. Назмутдинова, «интенсивное взаимодействие долганского и русского языков привело к тому, что синтаксическая интерференция проявляется не только на уровне поверхностных структур (калькирование порядка слов, заимствование союзов), но и затрагивает глубинные механизмы организации полипредикативных единиц. В речи долгано-русских билингвов наблюдается постепенное ослабление исконных причастных моделей, собственных тюркскому синтаксису, и их замещение аналитическими конструкциями, ориентированными на русский синтаксический образец» [17]. Многие долганы билингвально, что оказывает влияние на синтаксис их устной и письменной речи. В частности, наблюдается появление союзов, калькированных с русского языка: например, употребление частицы *да* как уступительного союза, вероятно, усилилось под влиянием русского *да*. Также в долганском языке появляются аналитические конструкции с заимствованными союзами *потому что*, *чтобы*, *если* в тех контекстах, где традиционные причастные конструкции менее удобны. Язык азиатских эскимосов также испытывает сильное влияние русского языка, особенно в области синтаксиса сложного предложения. В современных словарях эскимосского языка автор активно использует русские союзы *потому что*, *чтобы*, *когда* в словарных статьях [21]. Это свидетельствует о синтаксической интерференции и возможной утрате некоторых исконных типов сложноподчиненных предложений. В этой связи можно отметить, что «Граматики миноритарных языков разрабатывались на основе грамматических исследований русского языка, особенно это затронуло грамматики младописьменных языков, письменность которых создавалась в середине XX века. ... первые грамматики миноритарных языков страдали рядом неточностей, так как грамматические категории этих языков испытали сильнейшее грамматическое влияние русского языка» [9].

Рассмотренные типологические различия между долганским, русским и эскимосским языками могут быть представлены в виде нескольких параметрических противопоставлений:

1) способ маркирования подчинительной связи, аналитический (союзы, союзы-частицы и союзные слова) в русском языке, синтетический (падежные и личные аффиксы причастий) в долганском языке, полисинтетический (суффиксы и союзы) в эскимосском языке;

2) высокая в русском языке (придаточная часть, как правило, сохраняет признаки предложения, включая финитный глагол), средняя в долганском языке (зависимая часть содержит причастие или деепричастие, которые изменяются по падежам, но не имеют полноценного глагольного парадигматического набора);

3) наличие специализированных подчинительных союзов (в русском языке их много, в долганском языке есть небольшое количество послелогов и частиц, которые приближаются к союзам, в эскимосском языке функцию подчинительных союзов могут выполнять глагольные суффиксы;

4) в русском языке опущение союза возможно в некоторых придаточных (*Я знаю, он пришел*) и ограничено определенными условиями; в долганском языке многие послелоги и союзные слова факультативны, особенно в разговорной речи; в эскимосском языке опущение суффикса конъюнктива невозможно, так как это привело бы к изменению значения или к неграмматичности;

5) порядок частей (в русском языке вариативный, в зависимости от структурно-семантического типа сложноподчиненного предложения; в долганском языке преимущественна препозиция зависимой части; в эскимосском языке также препозиция, но менее строгая).

В целом, как справедливо отмечается в сопоставительном исследовании грамматических категорий этих языков, «основные различия между ними обусловлены типологическим строем: русский (флективный) имеет грамматический род, бинарный вид и согласование прилагательных, чего нет в долганском и эскимосском языках. Эскимосский язык дополнительно выделяется эргативной конструкцией, двойственным числом и субъектно-объектным спряжением. Долганский язык сохраняет номинативный строй, но обладает притяжательным спряжением. Эти системные расхождения создают зоны устойчивой интерференции при изучении русского языка носителями долганского и эскимосского языков» [10]. Представленный выше анализ сложноподчиненных конструкций полностью подтверждает этот тезис на синтаксическом уровне, именно глубинные морфологические различия (наличие/отсутствие рода, тип кодирования актантов, способ выражения аспектуальности) предопределяют те стратегии оформления подчинительной связи, аналитические в русском, синтетические в долганском и полисинтетические в эскимосском, которые были выявлены в ходе сопоставительного рассмотрения.

Методологические трудности, связанные с сопоставлением таких типологически различных языков, требуют отдельного обсуждения. Во-первых, они связаны с неизбежной непереводаемостью терминов. То, что в долганской грамматике называется «сложноподчиненным предложением со значением времени», в русской грамматике может соответствовать либо придаточному времени, либо обособленному обстоятельству, либо простому предложению, в составе которого есть обстоятельство. В этой связи можно процитировать выводы, ранее представленные в другом исследовании синтаксиса миноритарных языков: «В этих языках в активной устной речи наиболее распространены простые односоставные и двусоставные предложения, более сложные предикативные конструкции являются калькой с русского языка» [8]. Во-вторых, корпусы анализируемых текстов несопоставимы по объему и жанровому разнообразию. Русский язык располагает огромным корпусом текстов различных стилей и эпох; долганский язык имеет ограниченный корпус художественной литературы; эскимосский язык представлен, помимо фольклора, учебными текстами и современной поэзией. В-третьих, многие грамматические описания долганского и эскимосского языков выполнены в рамках разных теоретических подходов, что затрудняет их унификацию. Тем не менее, несмотря на эти сложности, сопоставительный анализ позволяет выявить глубинные типологические закономерности и понять, как универсальные семантические категории (время, причина, условие и др.) находят выражение в грамматических системах с разной степенью синтетизма.

Заключение

Проведённое исследование, посвящённое сопоставительному анализу сложноподчинённых предложений в долганском, русском и языке азиатских эскимосов, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для синтаксической типологии, так и для контактной лингвистики.

В ходе работы установлено, что исследуемые языки, принадлежащие к различным генетическим группам и типологическим классам, демонстрируют принципиально различные стратегии оформления подчинительной связи в полипредикативных конструкциях. Русский язык, как представитель флективного типа, тяготеет к аналитическим средствам выражения подчинения — разветвлённой системе сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов и союзных частиц, при этом зависимая предикативная единица сохраняет высокую степень автономности и оформляется финитными глагольными формами. Долганский язык, относящийся к агглютинативному типу, преимущественно использует синтетические стратегии, в которых основным средством маркирования подчинительной связи выступают причастные и деепричастные формы с падежными и личными аффиксами, что приводит к значительной компрессии полипредикативных структур и размыванию границ между сложными и простыми осложнёнными предложениями. Язык азиатских эскимосов, характеризующийся агглютинативно-полисинтетической организацией, демонстрирует максимальную степень синтеза, где несколько предикаций могут быть интегрированы в пределах одной словоформы, а подчинительные отношения выражаются преимущественно суффиксальными средствами при ограниченном наборе союзов.

Сопоставление пяти основных типов сложноподчинённых конструкций — подлежащих, дополнительных, определительных, сказуемых и обстоятельственных — позволило выявить устойчивые корреляции между типом грамматической организации языка и доминирующими стратегиями оформления зависимости. В русском языке все типы придаточных последовательно вводятся союзами или союзными словами, тогда как в долганском языке подлежащие, дополнительные и определительные конструкции строятся на основе субстантивированных причастных форм с соответствующими падежными показателями, а сказуемые и обстоятельственные отношения передаются через систему падежных аффиксов и ограниченный набор послелогов и частиц. В эскимосском языке указанные семантические отношения выражаются посредством специализированных суффиксов конъюнктивного наклонения и деепричастных форм, при этом союзы выполняют преимущественно уточняющую или стилистическую функцию.

Особого внимания заслуживают зоны переходности между сложными и простыми осложнёнными предложениями, выявленные в долганском и эскимосском языках. В долганском языке причастные обороты, выполняющие функцию определительных или дополнительных придаточных, по ряду формальных признаков сближаются с обособленными определениями и дополнениями в составе простого предложения, что создаёт трудности при разграничении указанных синтаксических единиц. В эскимосском языке полисинтетические конструкции с инкорпорированными зависимыми предикациями занимают промежуточное положение между словом, словосочетанием и предложением, что требует пересмотра традиционных критериев выделения сложноподчинённого предложения применительно к языкам данного типа.

Сравнительный анализ обстоятельственных сложноподчинённых предложений со значением времени, условия, причины, уступки, сравнения и следствия показал, что все три языка располагают развитыми средствами выражения указанных семантических категорий, однако способы их оформления существенно различаются. Русский язык опирается на систему специализированных союзов, долганский язык опирается на падежно-причастные конструкции и послелоги, эскимосский язык — на суффиксальные показатели деепричастий и конъюнктива. При этом в долганском языке наблюдается наибольшее разнообразие формальных средств для выражения причинных и временных отношений, что, вероятно, обусловлено как внутренними закономерностями развития тюркских языков, так и длительными контактами с русским языком.

Выявленные параметрические противопоставления, способ маркирования подчинительной связи, степень автономности зависимой предикативной единицы, наличие и характер подчинительных союзов, возможность опущения подчинительного показателя и порядок следования частей, позволяют представить три исследуемых языка как точки на континууме от аналитического к полисинтетическому полюсу, где русский язык занимает позицию, наиболее близкую к аналитическому типу, долганский язык находится в зоне синтетических стратегий, а язык азиатских эскимосов демонстрирует черты, характерные для полисинтетического типа.

Важным результатом работы является также выявление следствий длительного этноязыкового контакта, в условиях которого функционируют долганский и эскимосский языки. Синтаксическая интерференция со стороны русского языка проявляется в появлении заимствованных союзов (таких как *потому что*, *чтобы*, *если*) в устной и письменной речи носителей, а также в ослаблении некоторых исконных моделей сложноподчинённых конструкций. Этот процесс представляет собой не просто механическое заимствование, а сложное взаимодействие аналитических и синтетических стратегий, что создаёт новые, гибридные формы организации полипредикативных единиц.

Полученные данные вносят вклад в типологическое языкознание, расширяя эмпирическую базу для сопоставительных исследований синтаксиса разноструктурных языков, и могут служить основой для дальнейших изысканий в области контактной лингвистики, психолингвистики билингвизма и синтаксической типологии миноритарных языков. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов при разработке методических материалов по преподаванию русского языка как неродного для носителей долганского и эскимосского языков, а также в учебных курсах по контрастивной лингвистике и типологии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счёт привлечения большего объёма полевых и корпусных данных, а также с применением количественных методов для выявления статистически значимых закономерностей в распределении различных типов сложноподчинённых конструкций в зависимости от жанра и коммуникативной ситуации. Кроме того, представляет интерес сопоставительное изучение

синтаксиса сложного предложения в динамике, на материале текстов разных хронологических периодов, для выявления векторов типологического сдвига под влиянием языковых контактов.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (проект № 79-ВГ) «Разработка учебных изданий по дисциплинам модулей «Русский язык и литература» и «Речевая деятельность общества», адаптированных для студентов-билингвов Института народов Севера».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.96.1>

Funding

The publication was prepared within the framework of an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (Project No. 79-VG) titled “Development of educational materials for the disciplines of the modules “Russian Language and Literature” and “Speech Activity of Society”, adapted for bilingual students of the Institute of the Peoples of the North”.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the International Research Journal

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.96.1>

Список литературы / References

1. Артемьев Н.М. Долганский язык : учебное пособие для вузов: в 2 частях / Н.М. Артемьев. — Санкт-Петербург, 2001.
2. Артемьев Н.М. Словосочетание в долганском языке (история изучения, реализация в речи в условиях интерференции) / Н.М. Артемьев, Т.С. Федорова // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2010. — № 2. — URL: <http://www.hcrncr.com/journ1010/journ1010artfed.html> (дата обращения: 01.10.2026).
3. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория : учебник для 5–9 классов / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. — Москва, 1994.
4. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис / В.А. Белошапкова. — Москва, 1977.
5. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — 6-е изд. — Москва : Учпедгиз, 1959. — С. 273–277.
6. Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов / Н.Б. Вахтин. — Санкт-Петербург, 1995.
7. Назмутдинова Т.С. Второстепенные члены предложения в языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Дополнение / Т.С. Назмутдинова, Т.П. Головацкая, И.А. Мартынова [и др.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №8 (68). — DOI: 10.60797/RULB.2025.68.14. — EDN: OJVXCG
8. Назмутдинова Т.С. Второстепенные члены предложения в языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Обстоятельство / Т.С. Назмутдинова, А.Г. Орлова, В.В. Валенкова [и др.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №2 (62). — DOI: 10.60797/RULB.2025.62.11. — EDN: USQGZE
9. Назмутдинова Т.С. Второстепенные члены предложения в языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Определение / Т.С. Назмутдинова, Е.И. Бродская, Н.Я. Булатова [и др.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №6 (66). — DOI: 10.60797/RULB.2025.66.8. — EDN: ACULSA
10. Головацкая Т.П. Грамматические категории имени и глагола в русском, долганском и эскимосском языках: опыт типологического сопоставления / Т.П. Головацкая, Т.С. Назмутдинова, К.П. Сидоренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2026. — Т. 19. — № 5. — DOI: 10.30853/phil20260238.
11. Грамматика современного русского литературного языка. — Москва, 1970.
12. Иванов В.В. Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы) / В.В. Иванов, Н.В. Малышева // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. — 2023. — Т. 20. — № 4.
13. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис русского языка / С.Г. Ильенко. — Санкт-Петербург, 2009.
14. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык. Учебное пособие для педагогич. училищ / Г.А. Меновщиков. — Ленинград, 1960.
15. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ. 2-е изд., дораб / Г.А. Меновщиков, Н.Б. Вахтин. — Ленинград, 1990.
16. Назмутдинова Т.С. О видах сложноподчиненных предложений в долганском языке / Т.С. Назмутдинова // Российский лингвистический бюллетень. — 2024. — № 8(56).
17. Назмутдинова Т.С. Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингвов (на материале языка анабарских долган): монография / Т.С. Назмутдинова. — Санкт-Петербург, 2017.
18. Назмутдинова Т.С. О сложносочиненных предложениях в разносистемных языках (на примере долганского и эскимосского языков) / Т.С. Назмутдинова, Т.П. Головацкая // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 10 (58). — DOI: 10.60797/RULB.2024.58.24.
19. Пешковский А.М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? Избр. труды / А.М. Пешковский. — Москва: Учпедгиз, 1959.
20. Пospelов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды. Изд.2 / Н.С. Пospelов. — 2010.
21. Радунович Н.П. Русско-эскимосский словарь: около 19 000 слов / Н.П. Радунович. — Санкт-Петербург, 2014. — Ч. 1-2

22. Русская грамматика: в 2 т / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. — Москва: Наука, 1980. — Т. 2. Синтаксис. — 1980.
23. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение / Е.И. Убрятова. — Новосибирск, 1976. — Ч. II.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Artemyev N.M. Dolganskij yazyk [The Dolgan language] : textbook for universities : in 2 parts / N.M. Artemyev. — St. Petersburg, 2001. [in Russian]
2. Artemyev N.M. Slovosochetaniye v dolganskom yazyke (istoriya izucheniya, realizatsiya v rechi v usloviyakh interferentsii) [Word combination in the Dolgan language (history of study, realization in speech under interference conditions)] / N.M. Artemyev, T.S. Fedorova // Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy [Questions of History and Culture of Northern Countries and Territories]. — 2010. — № 2. — URL: <http://www.hcpncr.com/journ1010/journ1010artfed.html> (accessed: 01.10.2026). [in Russian]
3. Babaytseva V.V. Russkiy yazyk. Teoriya [Russian language. Theory] : textbook for grades 5–9 / V.V. Babaytseva, L.D. Chesnokova. — Moscow, 1994. [in Russian]
4. Beloshapkova V.A. Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis [Modern Russian language: Syntax] / V.A. Beloshapkova. — Moscow, 1977. [in Russian]
5. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language] / F.I. Buslaev. — 6th ed. — Moscow : Uchpedgiz, 1959. — P. 273–277. [in Russian]
6. Vakhtin N.B. Sintaksis yazyka aziatskikh eskimosov [Syntax of the language of the Asian Eskimos] / N.B. Vakhtin. — St. Petersburg, 1995. [in Russian]
7. Nazmutdinova T.S. Vtorostepennye chleny predlozheniya v yazykakh korennikh malochislennikh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. Dopolnenie [Secondary Sentence Members In The Languages Of The Small Indigenous Peoples Of The North, Siberia And The Far East. Object] / T.S. Nazmutdinova, T.P. Golovatskaya, I.A. Martyanova [et al.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №8 (68). — DOI: 10.60797/RULB.2025.68.14. — EDN: OJVXCG [in Russian]
8. Nazmutdinova T.S. Vtorostepennye chleny predlozheniya v yazykakh korennikh malochislennikh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. Obstoyatelstvo [Minor members of the proposal in the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Adverbial] / T.S. Nazmutdinova, A.G. Orlova, V.V. Valenkova [et al.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №2 (62). — DOI: 10.60797/RULB.2025.62.11. — EDN: USQGZE [in Russian]
9. Nazmutdinova T.S. Vtorostepennye chleny predlozheniya v yazykakh korennikh malochislennikh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. Opreделение [Minor members of the proposal in the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Attribute] / T.S. Nazmutdinova, Ye.I. Brodskaya, N.Ya. Bulatova [et al.] // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №6 (66). — DOI: 10.60797/RULB.2025.66.8. — EDN: ACULSA [in Russian]
10. Golovatskaya T.P. Grammaticheskie kategorii imeni i glagola v russkom, dolganskom i eskimosskom yazykah: opyt tipologicheskogo sopostavleniya [Grammatical categories of name and verb in Russian, Dolgan and Eskimo languages: experience in typological comparison] / T.P. Golovatskaya, T.S. Nazmutdinova, K.P. Sidorenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. — 2026. — Vol. 19. — № 5. — DOI: 10.30853/phil20260238. [in Russian]
11. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. — Moscow, 1970. [in Russian]
12. Ivanov V.V. Lingvisticheskie osobennosti zhivoj rechi anabarskih dolgan (na materiale ekspeditsionnoj raboty) [Linguistic features of the living speech of Anabar Dolgan (based on the material of expeditionary work)] / V.V. Ivanov, N.V. Malysheva // Vestnik SVFU im. M.K. Ammosova [Bulletin of NEFU named after M.K. Ammosov]. — 2023. — Vol. 20. — № 4. [in Russian]
13. Ilyenko S.G. Kommunikativno-strukturnyj sintaksis russkogo yazyka [Communicative-structural syntax of the Russian language] / S.G. Il'enko. — St. Petersburg, 2009. [in Russian]
14. Menovshchikov G.A. Eskimosskij yazyk. Uchebnoe posobie dlya pedagogich. uchilishch [Eskimo language. Textbook for teacher-training schools] / G.A. Menovshchikov. — Leningrad, 1960. [in Russian]
15. Menovshchikov G.A. Eskimosskij yazyk: Ucheb. dlya uch-sya ped. uch-shch. 2-e izd., dorab. [Eskimo language: A textbook for students of teacher-training colleges. 2nd edition, revised] / G.A. Menovshchikov, N.B. Vahtin. — Leningrad, 1990. [in Russian]
16. Nazmutdinova T.S. O vidah slozhnopodchinennykh predlozhenij v dolganskom yazyke [On the types of complex sentences in the Dolgan language] / T.S. Nazmutdinova // Rossijskij lingvisticheskij byulleten' [Russian Linguistic Bulletin]. — 2024. — № 8(56). [in Russian]
17. Nazmutdinova T. S. Sintaksicheskaya interferenciya v rechi dolgano-russkikh bilingvov (na materiale yazyka anabarskih dolgan): monografiya [Syntactic interference in the speech of Dolgan-Russian bilinguals (based on the material of the Anabar Dolgan language): a monograph] / T.S. Nazmutdinova. — St. Petersburg, 2017. [in Russian]
18. Nazmutdinova T.S. O slozhnosochinennykh predlozheniyah v raznosistemnykh yazykah (na primere dolganskogo i eskimosskogo yazykov) [On complex sentences in multi-system languages (on the example of Dolgan and Eskimo languages)] / T.S. Nazmutdinova, T.P. Golovatskaya // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 10 (58). — DOI: 10.60797/RULB.2024.58.24. [in Russian]
19. Peshkovsky A.M. Sushchestvuet li v russkom yazyke sochinenie i podchinenie predlozhenij? Izbr. trudy [Is there an essay and submission of sentences in Russian? Selected works] / A.M. Peshkovskij. — Moscow: Uchpedgiz. 1959. [in Russian]

20. Pospelov N.S. Mysli o russkoj grammatike: Izbrannye trudy [Thoughts on Russian grammar: Selected works]. Edition 2 / N.S. Pospelov. — 2010. [in Russian]
21. Radunovich N.P. Russko-eskimoskij slovar': okolo 19 000 slov [Russian-Eskimo dictionary: about 19,000 words. St. Petersburg] / N.P. Radunovich, — 2014. — Pt. 1-2 [in Russian]
22. Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 volumes / Academy of Sciences of the USSR, Int of the Russian Language; Ch. ed. N.Yu. Shvedova. — Moscow: Nauka, 1980. — Vol. 2. Syntax. — 1980. [in Russian]
23. Ubryatova E.I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. Slozhnoe predlozhenie [Research on the syntax of the Yakut language. Complex sentence] / E.I. Ubryatova. — Novosibirsk, 1976. — Pt. II. [in Russian]